

6788

 משרת חסוה

משפחה

25

2009

От автора

Стихи, написанные в гетто, песни гетто... Все это было. Шедевры, созданные в тех совершенных нечеловеческих условиях, навсегда останутся памятниками великой трагедии и мужества народа.

А вот улыбались ли когда-нибудь узники гетто? Кому-то этот вопрос может показаться кощунственным, но все, что здесь написано, было увидено и услышано автором в реальной жизни, не признающей никаких регламентаций и запретов. Особенно задним числом.

Я утверждаю — да, хоть и не часто, но иногда они все же улыбались. Улыбались ребенку, любимому человеку, улыбались, когда удавалось «закосить» лишний черпак баланды или кусок хлеба, улыбались, когда удавалось выскочить из облавы или в малине пересидеть погром. Тогда были свои критерии радости и удачи. Я, например, до сих пор помню радость, испытанную от найденной на дороге немецкой пачки, где оказались две целые сигареты.

И нельзя оценивать эти критерии с позиций нынешнего сытого обывателя.

Если без воды человек может прожить пять дней, без еды — месяц, то долго жить, ни разу не улыбнувшись, тоже невозможно.

Это я утверждаю по опыту своего пребывания в гетто, концлагере СС, партизанском отряде и в нашей советской тюрьме, где тоже пришлось побывать. Правда, недолго.

Думаю, читатель поймет, как непросто было отыскать случайную улыбку в море скорби и отчаяния.

Коррекция профиля

В первый период существования гетто я нарушал строжайший запрет и делал вылазки в русский район. Так называлось все, что было за пределами гетто. Иногда удавалось добыть кое-какие продукты у знакомых, иногда заглядывал к маме Юзе — бывшей моей няне Юзефе Никодимовне Кудак. Эти операции были смертельно опасны. В случае неудачи — тюрьма и неизбежный расстрел или пуля на месте, прямо у проволоки. Выручала меня славянская

внешность, но была ахиллесова пята — нос, который не только не был славянским, но даже совсем наоборот. Боже, как я его ненавидел! Ну, понимаю, погибнуть за Родину, за Сталина, наконец, за маму. Но из-за своего носа?! Ведь должен быть какой-то выход.

Говорят, великие открытия плавают в воздухе. Одно из них приплыло и ко мне. Я даже удивился, что так поздно сообразил: ведь все так просто! Нос надо формовать. Решено — сделано. Вырезаю небольшую дощечку с желобком, завожу ее под нос, под нее шнурок, который завязываю на темени. Агрегат регулируемый: чем туже затянешь шнурок, тем курносее. Затягиваю еще. Отлично! Почти как свиной лыч. Понимаю, что такой степени курносости за ночь,

Михаил ТРЕЙСТЕР

Сквозь слезы

(Из записок бывшего узника Минского гетто)

увы, не добьешься, но ведь что-то останется. А потом ведь будет еще ночь, и еще...

Обитатели нашей юдоли на Шорной восприняли мое открытие с некоторой долей сарказма и пытались меня подначивать, но мне было наплевать. Завтра они увидят! И увидели. Всю ночь я промучился — нос просто немел и отекал, но я терпел, а на утро результат был налицо. Вернее, на пол-лица — нос опух и напоминал красную картофелину, из которой капало. Весь день чем-то отмачивал, а к вечеру нос пришел в норму и стал таким, каким был, то есть настоящим еврейским носом. И я понял, что от своего носа, как и от своей национальности, нигде не денешься.

После войны Роза Фридман, одна из немногих обитателей дома на Шорной, оставшаяся в живых, при встрече со мной с грустной улыбкой вспоминала этот мой эксперимент по коррекции профиля.

Самозванец

Обманув геттовскую биржу труда, прибавил себе два года, назвался сапожником и осенью 41-го меня в колонне под конвоем привели на базу ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта (бывшая фабрика «Октябрь»). Завели в сапожный цех и показали мое рабочее место за общим верстаком: низкий стульчик с натянутым брезентовым сиденьем, комплект инструментов, набор гвоздей и, главное, массивную чугунную лапу со сменными насадками. Да, забыл еще про ванночку с водой, как потом выяснилось, для смягчения кожи. Спрашиваю у соседа слева:

- Что делать?
- Мочи лапу.
- Какую?
- Ту, что побольше.

Чувствую, что подвох: кругом веселое оживление, но указание выполнил. Положил. Чугунная насадка еле влезла в ванночку — здоровая, зараза. Пришлось долить воды, чтобы покрыть ее целиком. Через полчаса спрашиваю:

- Может, уже хватит?
- Нет, — говорит, — рано еще. Не размокла.

Подходит мастер, местный немец (фольксдойче):

- Что делаешь?
- Вот, мочу лапу. Можно уже вынимать? Засмеялся и отошел.

Так прошло «боевое крещение» и определилась степень моего «профессионализма».

Настоящим сапожником я стал, отработав почти два года.

Теперь о мастерах.

Хочу оговориться. Речь пойдет не об извергах из СС, СД, гестапо. Этих и сегодня, через 65 лет, я бы, не задумываясь, поставил к стенке — без суда и без срока давности. Я — о гражданских немцах, присланных из Германии для организации производства.

Цех работал, как хорошо отлаженный механизм, если не считать воровства. И должен признаться, что хотя нас жестоко эксплуатировали и держали впроголодь, но именно эти люди научили меня работать. Никто из них ни разу меня не ударил и даже не повысил голос. Причем, я перед ними не шестерил.

Одних помню по имени, других — по фамилии. Это — гроссмайстер Розе, мастера Рудольф Кнот, Мюллер, Вилли (только имя), «Памаешь»

(кличка — этот местный немец так произносил слово «понимаешь»).

Были ли среди них фашисты?

Были — Розе и Кнот, но их политическая принадлежность никак не сказывалась на отношении к рабочим. Несколько эпизодов.

Однажды Кнот, отпрыск аристократического рода, избежавший фронта из-за небольшой хромоты, участливо спросил:

— Michel, warum bist du Jude geboren? (Миша, отчего ты родился евреем?)

А другой фашист, Розе, поначалу учил меня:

— Schauer Messer — halbes Arbeit, Michel. (Острый нож — половина работы, Миша.)

А когда я научился точить нож острее бритвы и отхватил себе лоскут в полпальца, Розе отвез меня в бывший Дом Правительства, где доктор-немец отрезал висящий лоскут и сделал перевязку, после чего меня на три дня освободили от работы (и, следовательно, от еды).

Впрочем, все это не помешало Розе остановить и вернуть меня, когда я пытался смыться в день отправки всех мужчин-евреев, прямо с фабрики, в концлагерь СС на ул. Широкой, откуда никто не возвращался. И здесь порядок оказался превыше всего.

Не могу не вспомнить и о добром, суетливом мастере Вилли, больше похожем на бедного местечкового еврея, который едва ли не ежедневно показывал мне фотографию своей фрау и трех пацанов. Так вот, когда каратели из Русской освободительной армии забирали нас на Широкую, он стоял, отвернувшись к стене, и плакал. И такие немцы попадались.

Торг

Время и место действия — 1943 год, сапожный цех базы ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта, куда меня почти два года водили из гетто и обратно в колонне под конвоем.

Я давно задумывался о побеге в партизаны, а весной 1943-го окончательно понял: или сейчас, или никогда. Правда, потом посадка в концлагерь СС спутала все мои карты, но она только ускорила реализацию этого решения.

Итак, надо уходить в лес, для чего требуется соответствующая одежда, особенно сапоги, но их не купишь.

Значит, надо шить. Тем более, что найти нужный материал, по-нашему, сапожному —

«товар», для меня, работающего в сапожном цехе крупной немецкой базы, не проблема.

Весь набор — переда, задники, подклейка, подошвы, стельки, облямки — уже украден и припрятан в надежном месте. Нет только голенищ, по сапожному — «халяв», которые украсть невозможно, поскольку подходящего материала в цехе нет.

Слух о том, что мне нужны «халявы», немедленно распространился по цеху, конечно, без указания целевого назначения будущих сапог. В перерыве подходит ко мне один из польских евреев-сапожников и, заговорщицки подмигнув, да так, будто его перекосило, на ломаном польско-немецко-русско-еврейском намекает, что знает о моей проблеме и может помочь.

Затем вытаскивает из ящика своего верстака пару приличных хромовых «халяв». Запахло торгом, и вокруг немедленно собирается кучка совершенно ненужных мне свидетелей, но деваются некуда.

Продавец называет начальную цену — 25 марок (здесь и далее речь идет об оккупационных марках).

В цехе процветало воровство, причем и я не был исключением. Поэтому в карманах иногда собиралось немного денег. На этот раз у меня было 14 марок — весь мой ресурс. В долг обычно ничего не давали, поскольку должник в любой момент мог оказаться там, откуда долги не возвращают. Как и кредитор, впрочем.

Начался торг. Его команда, польские евреи, шумно набивают цену, моя — наши евреи и сочувствующие русские ребята — столь же азартно сбивают ее. Все-таки какое-никакое развлечение для всех. Каждая очередная ставка сопровождается ударом по верстаку. Идет торг.

Я предлагаю 12 марок, что он считает оскорбительным, но все же снижает запрос до двадцати. Я добавил еще марку, он снизил до восемнадцати и уперся. Я решаю пойти ва-банк и предложить все, что у меня было, то есть — 14, причем сделать это в более доступной и приятной ему форме — на родном для него идише. Поэтому я особенно громко ударил по верстаку, поднапрягся и выложил свой последний козырь:

— Вилст ду фарцен?

Весь состав «аукционной комиссии», включая продавца и русских ребят, немного понявших идиш, буквально зашелся от смеха. На шум даже мастер Мюллер прибежал.

Оказывается, цифра 14 переводится как «фирцен», а слово «фарцен» означает, мягко говоря, «портить воздух», причем делать это со звуковым сопровождением. При этом вся фраза выражала вопрос, хочет ли продавец этим заниматься.

Он был настолько растроган моими лингвистическими познаниями, что вытер слезы от хохота и отдал «халявы» по цене, предложенной мною столь экстравагантным способом. А меня потом еще долго донимали вопросом, хочу ли я «фарцен». Ну что ты возьмешь с этих сапожников...

Остается лишь добавить, что сапоги я все же пошил, берег их как зеницу ока, в них ушел в лес, где меня под дулом автомата разули первые же встреченные мною «бойцы невидимого фронта».

А вы говорите...

Случай на Сапожной улице

Сапожники — люди хорошие, но они не физики-теоретики и не психотерапевты. Поэтому и анекдоты у них сапожницкие, то есть такие, что не везде и расскажешь.

Мне все же удалось вспомнить один анекдот, который можно рассказать на страницах уважаемого журнала.

Итак, слушайте.

Было одно местечко, и была в нем одна улица. То есть, она была не одна, были там еще и другие улицы, но эта отличалась от прочих тем, что жили на ней только сапожники. Отсюда и ее название.

А поскольку тогда еще не было цветных телевизоров (бесцветных тоже не было), то вся реклама каждого сапожника была написана на воротах его дома.

И вот появился новый сапожник и построил себе дом на самом краю этой Сапожной улицы. Стал думать, как ему что-то такое этакое написать на воротах, чтобы народ к нему валом повалил.

Прошелся по улице и видит на чужих воротах: «Лучший сапожник Москвы», «Лучший сапожник Нью-Йорка», «Лучший сапожник Лондона», «Лучший сапожник Парижа» и т.д. Все мировые столицы заняты, а без рекламы не проживешь. Тогда взял этот новый сапожник большую кисть и написал на своих воротах: «Лучший сапожник на этой улице». И все.

Не смешно, говорите? Мне тоже не очень. Ведь эту историю рассказал в гетто мой первый учитель сапожного дела, высокий профессионал и очень деликатный человек, родом из

Узды — Мордух Каплан, погибший в концлагере СС на ул. Широкой в августе 1943 года.

Вечная ему память...

Лесной маньяк

Время и место действия — весна 1944 года. Летний лагерь партизанского отряда № 106.

Почти весь отряд переболел чесоткой. У некоторых партизан она перешла в более сложную форму — коросту. Люди чесались, ругались и лечились. Для локализации эпидемии больных селили в карантинную землянку человек на 50, освободившуюся в связи с переходом части отряда в летние помещения — шалаши и палатки. Лечились самодельной мазью, которую готовили из несоленого жира, дегтя и дробленого тола (вместо серы).

Я держался, сколько мог, даже умывался регулярно, что в тех условиях было непросто. Ну, а когда всех вылечили, наконец, заболел и я. Значит, надо мазаться, причем от головы до самых до окраин — целиком.

Собрав остатки лекарства, стал искать, куда бы пойти на «помазание». Ведь не на людях же этим заниматься. Вспомнил о пустующей карантинной землянке. Укромное место на краю леса. Лучше не придумаешь.

Длинная землянка с двухсторонними нарами. С одной стороны дверь, с другой — окно, в середине — печка. Все забросано клочьями подстилочной соломы.

На фоне окна заметил какое-то мятущееся облачко. Решил, что комары — ведь болото рядом. Ничего, не съедят.

Разделся догола, вещи — на печку, достаю мазь и вдруг...

Вдруг в тело впиваются сотни, если не тысячи тончайших игл.

Оказалось, это были блохи, оголодавшие после выселения карантинных больных, которыми они прежде регулярно питались. И вот после долгой голодухи достался им подарок в моем лице, причем не только в лице, но и во всех остальных частях моего тела. Ешь, сколько хочешь.

Дальнейшие события развивались с понятной в таких случаях быстротой. Я, забыв об одежде, в чем мать родила, пулей вылетел из землянки, насмерть перепугав двух проходивших мимо новеньких девушек, которые с такой же скоростью рванули к лагерю.

Прикрыв руками нужные (блохам) места, я быстро вернулся, пробрался к печке, схватил одежду, еще быстрее выскочил на волю и ушел в лес, где намазался и оделся.

Вечером ребята из нашей землянки рассказали, что в лесу объявился какой-то голый маньяк-экспрессионист (конечно, тогда этого слова никто не знал, пользовались простыми словами, покруче), который выскочил из землянки, бросился на наших девушек, но не смог их догнать.

Говорили, что этот человек очень опасен и при встрече с ним надо стрелять на поражение.

Потом я рассказал ребятам все, как было, и мы полночи не могли уснуть от смеха, в деталях разбирая эту историю.

Так рождаются легенды.

Трейстер Михаил Абрамович родился в Витебске в 1927 году.

В 14 лет — узник Минского гетто, в 16 — партизан отряда № 106. В 1948 году окончил Минский политехникум, в 1954 году — Белорусский политехнический институт.

Сорок пять лет работал в энергетике.

Председатель Белорусского общественного объединения евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Вице-президент Международного союза евреев — бывших узников фашизма.

Автор книг «Проблески памяти», «Матрейки», около сорока публикаций в журналах и газетах Беларуси, Израиля, России.

Михаил Трейстер.

Фото Аркадия Шульмана, 2008 г.

